

18+

Виктория Романова

Эпоха Льда и Пламени

Виктория Романова
Эпоха Льда и Пламени

«Издательские решения»

Романова В.

Эпоха Льда и Пламени / В. Романова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-531745-2

Испокон веков рядом существовали два древних Королевства: на севере — Королевство Льда и Холода, а на юге — Королевство Огня и Пламени. Оба короля были одинаково молоды и амбициозны; однако Север был слишком холоден и равнодушен, а Юг — слишком горяч и нетерпелив. И именно это столкновение двух противоположностей, столь юных и безрассудных, привело к новому витку в этой многолетней войне, что горожане обоих Королевств быстро окрестили эпохой Льда и Пламени.

ISBN 978-5-00-531745-2

© Романова В.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	17
Глава четвертая	22
Глава пятая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эпоха Льда и Пламени

Виктория Романова

© Виктория Романова, 2021

ISBN 978-5-0053-1745-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава первая

Это было очень давно, – та история, что будет рассказана сегодня, – но все же она была. События эти происходили много веков назад, когда в темных непроходимых лесах еще жили загадочные магические существа, а людьми правили чистокровные короли, получившие власть по наследству, от своих отцов. Территории, распределенные между четырьмя крупнейшими Королевствами, были защищены высокими стенами крепостей; каждое Королевство имело свои законы и обычаи, а некоторые из правителей – даже уникальную, особую власть над стихиями.

Герой этой истории, чья судьба так круто изменилась в один из ничем не примечательных дней, жил именно в ту – великую, хотя и жестокую, – эпоху. Он много лет вел жизнь отшельника, предпочитая блуждать по безлюдным лесам и степям, не имея ни постоянного дома, ни семьи, не зная даже, откуда он сам родом; только редкий, удивительный талант охотника – единственное, что оставалось у него, – было тем единственным, что помогало выживать. Человек, за всю свою жизнь не присягнувший на верность ни одному из королей, выбравший свободу вместо спокойной жизни в стенах крепости... не жалел о своем выборе ни единой секунды.

Эта история – об Охотнике, которому предстоит узнать тайну своего происхождения и раскрыть в себе удивительные способности, что помогут остановить соперничество двух крупнейших враждующих королевств. О человеке, что сумеет спасти тысячи невинных жизней, и предотвратит, казалось бы, неизбежную битву двух принцев, что возненавидели друг друга еще задолго до их первой встречи.

Эта история о том, кого зовут Охотник; эта история о том, чье имя – Нджалл из Халлстеина.

Нынешнее утро выдалось туманным. Зеленые лесные холмы, простирающиеся до самого горизонта, были покрыты клочками мутного дыма, словно ватой; поднимаясь к молочно-белым облакам, они скрывали собой солнечные лучи, не позволяя тем коснуться холодной, мёрзлой земли.

Охотник вылез из своего шалаша и сделал несколько движений руками, разминая широкие плечи, – почва была неровной, и мышцы затекли во время сна. Щурясь от матового света, пробивающегося сквозь густые ветви елей и пихт, высокий молодой мужчина оглядел открывающийся перед ним вид. Целое изумрудное море хвойных деревьев простиралось до самых небес, и их треугольные верхушки, казалось, тянулись к такому высокому, такому блёклому и холодному солнечному свету, скрытому густыми белыми облаками. Воздух этим утром был чист и прозрачен, как вода в горном ручье, но и так же холоден. Сделав несколько глубоких вдохов, Охотник принялся собирать свои вещи, коих было весьма немного. Врожденное чутье никогда его не подводило – он мог учуять дичь на расстоянии мили; так случилось и сейчас – где-то поблизости отчетливо слышались невесомые шаги дикого оленя по еще влажной от ледяной росы траве.

Имя этого Охотника – Нджалл. Столь необычное имя не походило ни на одно им услышанных за всю жизнь. Ни в одном королевстве – ни в Замке Рыцарей, ни в Пустынных Ямах, ни

в Русалочьих Землях – подобных имен не встречалось. Откуда взялся Нджалл, кто его семья, – он не знал и сам. Ни в одном из городов не чувствовал он себя дома; только вольные просторы, не принадлежащие ни одному из Королевств, всегда казались родными, только звон родников и шорох ветра, запутавшегося в ветвях вековых дубов, – только дикая, первозданная природа позволяла Охотнику дышать свободно, полной грудью, – и именно поэтому Охотник так и не смог привязаться ни к одному из Вечных Королевств. Десятки и сотни городов он посетил, но ни в одном из них не задержался надолго; дикая первобытная свобода манила его своими бескрайними, неизведанными землями, полными чудес, загадок и тайн, не позволяя оставаться запертым в высоких стенах крепостей.

Это утро выдалось таким же, как предыдущее, таким же, как и многие утра его вольной жизни; но сегодня, отправляясь по следу дикого зверя, Охотник еще не знает, что за встречу готовит для него сама судьба.

Десятки холмов, бесшумно пересеченные осторожной поступью – и вот запах дичи становится четким и ярким, пробираясь на самое дно легких с каждым новым вдохом. Рука сама тянется к плечу, выверенным движением вытягивает стрелу из колчана за спиной и прикладывает ее к тетиве лука, поднимая его перед собой. Этому Охотнику не нужно видеть дикого оленя, чтобы узнать, что тот прячется за следующим деревом, – врожденные инстинкты никогда не подводят. Затаив дыхание, Охотник делает еще пару бесшумных шагов, и наконец стрелы проскальзывает сквозь еловый лапник – между слоями бархатной хвои мелькнула светло-коричневая спина, усеянная белыми пятнами, – Нджалл делает еще шаг, и замирает: перед ним – темная лесная поляна, надежно скрытая от света густыми ветвями, а на поляне... Человек.

Резко повернув шею, олень заметил Охотника, и стремительно унесся вдаль, скрывшись из видимости в мгновение ока. Но взгляд того, кто выслеживал дичь еще секунды назад, остается прикован к черной фигуре, застывшей посреди резного травянистого покрывала, что стелется под ногами. Впереди – молодая женщина, скорее даже юная девушка, что выглядит несколько неряшливо и даже диковато; ее длинные тонкие пальцы с черными когтями замерли, словно перья птичьих крыльев, расправленные в воздухе. Худая, угловатая фигура, облаченная в черное, прогнулась в спине назад, а спутанные черные волосы свисают, подобно длинным волнам, почти касаясь земли. Охотник застыл на месте, устремив свой взгляд на девушку; он не знал, кто она, но в его памяти начали всплывать когда-то услышанные байки испуганных северян.

Спустя несколько мгновений длинная бледная шея, мягко сияющая на фоне густого мрака, медленно повернулась в сторону прервавшего странный ритуал гостя, и Охотник увидел бледное лицо – прекрасное, как лик луны, – но взгляд незнакомки был диким и сиял безумным блеском, что завораживал и пугал. Но этот незванный гость был, в отличие от многих, тверд сердцем, и ни один его мускул не дрогнул под пристальным взглядом этих колких, холодных глаз.

– Хммм, ну здравствуй, охотник... – Тонкие губы говорящей, что наверняка была той самой Лесной Ведьмой, о которой все говорят, разъехались в ухмылке. – Что ты ищешь здесь?

Тот промолчал.

– Что же ты молчишь? Или боишься меня? – Фигура в черном платье, словно сотканном из тысячи слоев черных паутинок, развернулась, и огни светлячков, что окружали поляну сияющим кольцом своего волшебного света, потухли вмиг, оставив женщину в полумраке.

– Я никого не боюсь, – быстро ответил Охотник, – ибо некого мне бояться.

Усмехнувшись, девушка прошептала:

– А стоило бы...

– Кто ты?

Тонкие черные брови взметнулись вверх:

– Как? Ты разве не слышан обо мне? Что ж, я расскажу тебе, кто я.

Резная стрела Охотника все еще оставалась направлена прямо в грудь незнакомки.

– Я – само Время, и я же – конец Времени. Я – шторм, и я же – покой. Я даю жизнь и даю смерть. Мое имя – Моргана, и ты знаешь обо мне, я вижу это в твоих глазах.

Легенды о ведьме, что прячется в глубине этих лесов, ходили среди народов соседних Королевств, передаваемые из уст в уста на протяжении сотен лет. Истории о встречах с ней пересказывались шепотом, – из страха призвать дух ведьмы, из страха разгневать ее своим неуважением, – рассказывались невероятные истории, изрядно приукрашенные слухами и сплетнями; истории о Моргане, что умеет повелевать и ветром, и дождем; о ведьме, что столь безумна и жестока, сколь и прекрасна.

Бесспорно, перед Охотником была сама Моргана.

– Опустить свой лук, охотник, – проговорила она, – я не причиню вреда... Равному себе.

Засомневавшись всего лишь на миг, Нджалл произнес, продолжая целиться в девушку, что улыбалась ему, смотря исподлобья:

– Ты безумна, ты бредишь. Я тебе не ровня. Ты – ведьма, а я – всего лишь человек, безродный охотник, скитающийся по лугам и горам...

– Пусть ты считаешь себя человеком, – иронично начала ведьма, – но тебе дана власть, о которой ты и не ведаешь. Я могу призывать духов природы, а ты – древние охотничьи инстинкты, что простому человеку недоступны. Я могу дарить и отнимать счастье и горе; ты можешь то же. Только вот я знаю свою природу, а ты же... А ты своей еще не осознаешь.

– Замолчи! Ты не в себе.

– Не смей угрожать мне, – зашипела Моргана, сделав еще один оборот вокруг себя же; ее тело скрутилось, подобно стволу дерева, что растет криво, огибая неудобное препятствие на своем пути. – Я скажу тебе лишь одно, охотник... Та власть, что дана тебе, спасет сотни, тысячи невинных жизней – и еще парочку истинно виноватых, – загадочно улыбнулась она. – Однако если ты не признаешь своей истиной природы... – Руки ведьмы начали пугающе быстро удлиняться, а пальцы стали превращаться в узловатые ветки, – если не примешь самого себя... То лед потушит огонь, а пламя растопит даже самые вечные снега.

Опешив, Охотник медленно опустил лук, замороженный превращением ведьмы в самое настоящее дерево.

– Ты можешь спасти Королевство Льда и Королевство Пламени, если захочешь. И получишь корону... Как когда-то твой отец получил ее от своего отца. Просто... Слушай...

Тело ведьмы окаменело, превратившись в ствол старой сухой ивы, руки обратились в ветви, а лицо скрылось в резных узорах коры.

Охотник ошеломленно взирал на старое, чернеющее посреди темной поляны кривое дерево, которое еще несколько секунд назад было живым человеком. Постояв еще пару секунд – убедившись, что Моргана покинула эту поляну, – Нджалл бросился прочь, стараясь убежать от этого проклятого места как можно скорее.

Глава вторая

Но Лесная Ведьма была хотя и зла, но отнюдь не безумна; она была умна, но вместе с тем и хитра – она не сказала Охотнику, трон какого из Королевств ожидает его в будущем.

Испокон веков рядом существовали два древних королевства: на севере – Королевство Льда и Холода, а на юге – Королевство Огня и Пламени.

Один замок был белоснежен и высок; его тонкие башни возвышались над землей, теряясь где-то в облаках. Границей служили неприступные стены крепости, отлитые из стекла и вечного льда. Река Торджилс, что прижималась своим изгибом почти к самым хрустальным стенам, всегда была покрыта снегом – никто здесь никогда не видел ее вод. Само Королевство терялось вдалеке, сокрытое не только высокими стенами, но и ледяными туманами облаков, а также темными, непроходимыми лесами, что кронами скрывают небо уже сотни лет. Вдалеке виднелись лишь шпили башен замка, что тянулись к небу из-за запорошенных снегом холмов, да изредка можно было увидеть тонкие столбы сизого дыма, что поднимается из труб жилых хижин.

На другой же стороне, чуть восточнее, простиралось Королевство Обжигающего Пламени. Его территории занимали бесконечные пустынные долины, что временами сменялись сухой безжизненной степью; граница была также обозначена стеной заставы. Но эта стена была сложена уже не из льда, а из черных обсидиановых камней, коих было в Королевстве в избытке. Здесь, снаружи Южных Земель, не было ни реки, ни деревьев, – лишь черные кованые ворота, сливающиеся с черной стеной, да неподалеку пара воронов клевала старый пожелтевший череп.

Северным Королевством правила династия настолько древняя, что даже старожилы не могли припомнить точно ее происхождения: одни говорили, что королевский род начинался от друидов, другие же – что прародителями его были лучшие из эльфийских лучников, а некоторые считали, что предками нынешнего правителя были сами драконы. Как бы то ни было, в тот год правил Королевством совсем еще молодой мужчина, скорее еще и вовсе юноша, – Ийс-Тагоэль: единственный из оставшихся в живых потомков этой великой семьи. Он был средним сыном короля Ийс-Хаука. «Хаук» на местном наречии означало «ястреб» – именно такое имя было дано при рождении отцу Тагоэля, что стал в свое время хорошим правителем и талантливым военачальником; но теперь вся власть перешла к среднему из трех его сыновей, единственному, что выжил после года Длинной Ночи, и жизнь северян с тех пор переменялась.

Тагоэль был истинным сыном древнего королевского рода. Он был не просто красив, но прекрасен – высок и хорошо сложен, что только подчеркивалось дорогими одеждами и множеством серебряных перстней на его пальцах; черные волосы мягко сияли, делая белую, словно снег, кожу молодого короля еще светлее, и в свете блёклого зимнего солнца сквозь выющиеся пряди поблёскивала длинная жемчужная серьга с камешком горного хрусталя. Черты лица Тагоэля были точно отлиты из льда и стекла, – так тонки, хрупки и завораживающе-идеальны в своей уникальной красоте, – а глаза отточено сверкали, будто серебряные клинки.

Этот король был живым воплощением Севера не только снаружи, но и изнутри: он оказался правителем весьма равнодушным и к самим жителям Королевства, и к их насущным проблемам. Казалось, Тагоэля совершенно не интересует жизнь его подданных. Поговаривали, что обжигающий холод добрался когда-то до самого сердца, сделав ледяным и его.

Король Севера не имел наследников. У него не было жены (ни одна девушка, будь то принцесса или простолюдинка, не смогла покорить его), и равнодушный скучающий взгляд

правителя всегда оставался неизменным. Но была и у него одна страсть – страсть, вызванная ненавистью: Тагоэль всем сердцем ненавидел соседнее Королевство Юга и их нынешнего правителя, считая его дикарем, недостойным высокого звания короля. Должно быть, эта слепая неприязнь передалась Тагоэлю от предков: Север и Юг издавна враждовали, вели войну, что длилась веками, то утихая, то разгораясь с новой силой. Король Хаук добился временного перемирия, затишья – слишком много людей погибло в последних сражениях, и обоим Королевствам нужно было время, чтобы жизнь вернулась в привычное русло; однако Тагоэль не намеревался терпеть медленно расширяющееся влияние соперников, выжидая лишь повода развязать войну снова.

Негласной границей между двумя враждующими Королевствами считалась река Торджилс. Свое название она получила благодаря легенде о том, что именно стрела Тора положила начало нескончаемому бегу ее вод. И если на севере река достаточно близко подходила к Ледяным Воротам, оставаясь скованной вечным морозом, то на юге ее русло пересохло давно, оставив лишь широкую песчаную колею.

Именно здесь, посреди горячей пустыни, где вместо оазисов были лишь безжизненные степи, где не росло ни одно дерево, не пробежало ни одно животное, и располагалась Крепость Пламени. Ее черные каменные стены вырастали как будто прямо из-под земли. Камни были гладкими и сухими, что делало поверхность стены совершенно неприступной, – словно сам ветер полировал эти стены сотни лет, не останавливаясь ни на день. Попасть внутрь можно было лишь через высокие тяжелые ворота, тщательно охраняемые и днем, и ночью – факелы стражников никогда не гасли. Даже в самый жаркий летний полдень огонь ярко горел в факелах на каждой из высоких черных башен.

Если Королевство Льда располагалось на холмах и скалах, то Королевство Огня простиралось на ровной поверхности бескрайних степей и пустынь. Только преодолев добрую сотню миль, можно было бы увидеть королевский замок. Он был широк и низок. Всего два-три этажа высоту и никаких аккуратных башен с острыми, тонкими шпилями – только квадратные ступенчатые пристройки со всех сторон, да зубчатые стены с маленькими, узкими щелями решетчатых окон. Оранжевый замок Южного Королевства, построенный из уже выгоревшего на солнце красного кирпича и черного вулканического обсидиана, был, возможно, не так красив, как Замок Северный; но он был и не так прост, каким мог показаться на первый взгляд. Внутри него скрывались множество потайных комнат и винтовых лестниц, бесконечные секретные коридоры и темные бездонные подвалы, что были куда надежнее и практичнее стеклянных сводчатых потолков и высоких арок... Все тайны этого замка знали только члены королевской семьи, что жила здесь уже не одно десятилетие. И сегодняшним королем Огненной Земли был их младший потомок – самый жестокий из всех завоевателей, что когда-либо выдвигал этот свет, самый воинственный из всех прежних правителей, – Бранд-Кьярваль.

Одного беглого взгляда в его сторону было достаточно, чтобы угадать его происхождение – темно-алые волосы, как у матери, королевы Лагерты, и черные искристые глаза, точь-в-точь как у отца, короля Бранд-Хорака. В каждом ухе Кьярваль носил по несколько широких металлических колец, а на правой руке его с самой ранней юности цвели витиеватые черные узоры, что расползлись до самых пальцев. Длинный тяжелый плащ на широких плечах и толстая золотая цепь на груди с медальоном из драгоценного рубина – символом королевской власти – не оставляли никаких сомнений в том, кем является этот человек.

У Кьярваля, в отличие от Тагоэля, была жена и были дети – хотя сам король Южного Королевства был еще почти так же молод, как и едва вступивший в совершеннолетие Тагоэль. Королева Марна и двое сыновей, близнецы Орм и Ормarr – семья, просуществовавшая

меньше, чем всего лишь одно лето; Марна и оба ее сына были жестоко убиты во время одного из городских восстаний. Разгневанная нескончаемой войной и нищетой толпа попросту растерзала их. Кьярваль в ту пору как раз только покинул пределы своего Королевства, намереваясь завоевать еще одно кочевое племя, подошедшее к Южным Землям слишком близко; вернувшись с очередного сражения живым, он не нашел дома своей семьи. С тех пор король был одинок, и сердце его ожесточилось: после такого предательства своих подданных он перестал прислушиваться к их просьбам, жалобам и мольбам: налоги взлетели до небес, каждый взрослый мужчина был призван на службу, а всяческая торговля – даже с нейтральными государствами – резко прекращена.

Кьярваль сосредоточил все свое внимание и все свои силы на войне с ненавистным Севером. Стоило королю Южного Королевства подумать о Тагоэле – и в глубине бездонных черных глаз начинало волноваться целое море гнева. Кьярваль считал Тагоэля самовлюбленным и высокомерным, бездарным правителем, неспособным вести войну. А искусство войны Кьярваль ценил больше всего.

Оба противника лишь выжидали повода начать новое сражение, не заботясь о том хрупком равновесии между двумя враждующими Королевствами, что с таким трудом установили их отцы.

Тагоэль и Кьярваль были одинаково молоды и амбициозны; и, хотя судьбы их так различались, силы и опыт их были равны. Однако Север был слишком холоден и равнодушен, а Юг – слишком горяч и нетерпелив. И именно это столкновение двух противоположностей, столь юных и безрассудных, привело к новому витку в этой многолетней войне, что горожане обоих Королевств быстро окрестили *эпохой Льда и Пламени*.

Тем временем, Охотник поспешно спускался со скалы, перепрыгивая камни и поваленные стволы деревьев. Он не испугался Лесной Ведьмы, вовсе нет, – столь горячему и храброму сердцу страх был неведом, – но задерживаться на этих проклятых землях было опасно.

Странные слова, сказанные Морганой, пророчащие безродному страннику славу и королевский титул, казались настолько невероятными, что никак кроме как безумным бредом их назвать было нельзя. Поэтому, стоило лишь пересечь Нджаллу Северные Долины, что так близки к Северной Стене, и устремиться к западу, как Охотник скоро позабыл об этой встрече. Ему предстояло перейти реку Торджилс и обогнуть горный кряж Синдри, – древние отвесные скалы, покрытые вечным снегом, дальше которых еще не смог пройти ни один человек. Белеющие верхушки, искрящиеся на солнце бриллиантовой пылью, заметны издали – их можно было рассмотреть даже отсюда, если забраться на холм повыше и хорошенько всмотреться в горизонт. Но, несмотря на то, что Нджаллу предстояло преодолеть весьма трудный путь, он вовсе об этом не беспокоился – за всю свою недолгую жизнь Охотнику приходилось бродить по многим лесам и долинам; поэтому не пугали его ни крутые подъемы, ни холодные ветры, ни дикие хищники.

В Южном Королевстве огромное солнце поднималось над пустынными землями, неумолимо приближаясь к своему зениту. Близился полдень; жизнь на городской площади кипела, из множества ремесленных лавок и кузниц доносились звонкие удары молотов и шипение раскаленного метала, опущенного в студеную воду. Узкие петляющие улицы города походили на муравейник, усеянные разношерстной толпой. Атмосфера же королевского дворца в этот день мало чем отличалась от атмосферы этих шумных улиц – слуги бегали по коридорам,

министры быстро переговаривались, не останавливаясь ни на минуту, продолжая проверять один зал за другим, сбиваясь с ног. Всему виной был не совсем обычный инцидент – этим утром никто не мог найти самого короля.

– Вы нашли? Вы видели? Ну что? Нашли? Где он? – Слышались повсюду обеспокоенные голоса. Но вместо ответов подданные лишь разводили руками друг перед другом.

Не проверенным оставалось лишь одно место – древние подземные катакомбы под Замок. Вероятно, король находится там... Но ни один человек не желал спускаться в холодную темноту, даже на самые первые ярусы подвалов: всем были хорошо известны рассказы о некоем древнем чудовище, что живет в глубине, и веками служит королевской семье. Конечно, такие истории больше походили на суеверные сплетни, выдуманные со скуки неграмотными кухарками; однако проверять достоверность этих рассказов на своей собственной шкуре никто не желал.

Один из министров спешно заглянул в зал заседаний; мельком осмотрев пустеющие стулья, он крикнул кому-то в коридор:

– Тут тоже нет!

– Кого нет?

От неожиданного ответа министр подпрыгнул на месте; испуганно заглянув в дверной проем еще раз, он увидел, что на позолоченном троне восседает сам король, и с хитрой усмешкой смотрит на показавшуюся из-за дверей голову министра.

– Ваше... Ох, простите... Мы вас... Мы не могли вас нигде найти! – Пожилой мужчина в черном, расшитом золотом камзоле вошел в зал и виновато поклонился, неуклюже изогнув колени.

– Я был здесь, Вальгард, – вскинул брови Бранд-Кьярваль. – Должно быть, вы просто меня не заметили. Я все утро провел здесь.

В зале воцарилась неловкая тишина. Оба – и Кьярваль, и Вальгард – понимали, что слова эти лживы: Зал Заседаний проверили первым делом, а после проверяли не единожды, и короля на своем законном месте не было. Однако, раз такова воля правителя, то надо ей надо следовать, решил Вальгард, и потому сказал, щелкнув каблуками:

– Простите, Ваше Величество, впредь будем внимательнее.

– Ступай, – ухмыльнулся Кьярваль.

Когда тяжелые двери с глухим звуком захлопнулись, и помещение вновь окутала тишина, король Южного Королевства глубоко вздохнул, опустив взгляд на шахматный каменный пол. Конечно же, Кьярваля ранее здесь не было – он вошел лишь несколько секунд назад, воспользовавшись потайным проходом, замаскированным под большую картину в углу. Этим утром потомок королевской семьи посещал нижние этажи подземелья – самые темные и самые старые. Проход туда знал только он один, поэтому, даже если кто-то из подданных и отважился бы спуститься вниз, то не нашел бы ровным счетом ничего. Сперва понадобилось бы отыскать в темных коридорах не один скрытый рычаг и миновать не один тайный переход, чтобы оказаться перед нужным спуском... Сотни метров винтовых лестниц, кручёными лентами свисающих во мраке, – и под ногами оказывается черная земля; поначалу здесь ничего не видно и не слышно, только затхлый сырой воздух отравляет дыхание и едва ощутимое тепло подземной магмы поднимается вверх тонкими струйками серого пара из-под ног. Но, приглядевшись, вы заметите арку кованых ворот. И, если сможете миновать ее – а это под силу лишь принцу королевской крови – то увидите толстые, ржавые прутья высокой клетки...

Возможно, легенды об ужасном монстре, что прячут короли Юга под землей на протяжении многих поколений, более правдивы, чем можно было бы подумать.

По другую сторону Торджилса, за остекленевшей ледяной стеной, царил обычный для этих мест покой. Никакого волнения или шума здесь отродясь не бывало – лишь звенящая морозная тишина, немые скалы да высокие столетние сосны, уходящие верхушками в синюю высь, – таким все оставалось и сегодня.

Под сводчатыми потолками королевских залов жила тишина, нарушаемая порой лишь тихими шагами слуг, да пением редких птиц, прилетающих иногда к высоким окнам дворца. Король Севера отправился на привычную конную прогулку, и еще не возвращался; поэтому слуги могли немного расслабиться и отдохнуть от своих нескончаемых забот.

Тем временем Тагоэль остановил свою лошадь у покатога спуска. Мёрзлая земля, устланная плотным снежным покрывалом, изгибалась здесь книзу, как смятое полотно; из-под снега проступал слой зеленого мха, и почва, подобно водопаду, спускалась к ледяному Северному Морю, плещущемуся далеко внизу. Пара всадников королевской охраны остановилась неподалеку, не решаясь нарушить задумчивые размышления Его Величества.

Тагоэль медленно вдохнул холодный воздух, окинув взглядом бескрайние морские дали, простирающиеся до самого горизонта. Черная королевская лошадь, что поначалу заволновалась, теперь, наконец, успокоилась и замерла, выпуская из ноздрей клубы пара. Король любил утренние прогулки верхом, и часто бывал здесь; но сегодня это место казалось иным. Как будто что-то необычное чувствовалось откуда-то издалека, как будто спокойная тишина природы стала сегодня угрожающе резкой, а морские волны, с силой бьющиеся о подножие скал, своим плеском пытались сказать что-то.

«Покой – как предостережение... Затишье перед бурей?» – думал Тагоэль, внимательно осматривая свои владения, вслушиваясь в голос природы. Холодные порывы трепали его черные блестящие локоны, играя с длинной серебряной цепочкой, спускающейся с уха; ветер перебирал белоснежный мех на капюшоне мантии, а тусклое зимнее солнце озаряло длинные ресницы Тагоэля, пробуждая синие искристые всполохи в глубине его темных глаз. Северная природа была прекрасна, хотя и ужасно жестока; не давая пощады никому и ничему, она замораживала самую горячую кровь и вырывала своими ледяными пальцами последнее тепло из человеческих сердец. Север не щадил никого, это верно; он всегда оставался дик и своенравен, и покорялся лишь своему королю, – единственному человеку, способному соперничать с этой стихией, единственному в мире живому существу, чье сердце было холоднее этих вечных льдов.

– Грядет буря, – Тагоэль развернул коня, и устремился к ожидающим его двум всадникам. – Готовьтесь к битве.

Когда Тагоэль думает о Кьярвале, Северный Замок покрывается снегом. Изнутри. Все перила лестниц им усыпаны в ночи. Тагоэль думает, что, быть может, зря он так ненавидит Север... Ненавидит, даже не зная – не побывав на Южной Стороне ни разу, и ни разу не увидев ни глаз короля Юга, ни услышав его голоса.

Тагоэль знает, что они с Бранд-Кьярвалем почти ровесники, оба одинаково молоды и наверняка оба одинаково напуганы свалившейся на них властью и ответственностью за целое Королевство. Но также они оба – истинные сыны своих отцов. Те ненавидели друг друга всем сердцем, вели войны на протяжении многих лет. Но сегодня Тагоэль, как и многие дни ранее, размышлял о том, что, быть может, Север и Юг не такие уж и разные? Подданные Южного Королевства ненавидят Кьярвала за его неоправданную, необъяснимую жестокость – а под-

данные Северного Королевства ненавидит своего короля за его холодность. Семья Кьярваля мертва, как и семья Тагоэля; южане только и делают, что пытаются выжить в условиях жестокой, жгучей пустыни, среди невообразимо запредельных налогов и постоянных сборов на очередное сражение; северяне замерзают в такой же бездушной пустыне, только уже ледяной – солнце здесь не греет, животные и птицы давным-давно покинули эти места, есть только скованные морозом деревья – и скованный льдом в стальную цепь Торджилс у самой границы Королевства. Говорят, Кьярваль прячет чудовище в подвалах своего замка... Тагоэль же прячет все эти свои размышления о Юге, на людях оставаясь по-прежнему равнодушным к чужим бедам, и презрительно кривя губы при одном лишь упоминании рода Брандов.

– Ваше Величество, не извольте выходить в коридоры, все завалено снегом. Все лестницы во льду... Мы убираем, но пока не успеваем; с потолка сыпет нынче пуше обычного.

– Да-да, спасибо, – отвечает Тагоэль слуге, даже не обернувшись.

И, как только тяжелая деревянная дверь, расписанная тонкими узорами, захлопывается, Тагоэль опускает свой взгляд на свиток, что раскрыт на столе; письмо, которое столько дней остается неоконченным, и которое столько раз было смято и выброшено прочь – и начато на следующий же день снова... Оно похоже больше на отчаянный, жалкий зов о мире. Длинная, витиеватая вязь раскосых строк, обрывающихся будто на полуслове, покрывается инеем, стоит Тагоэлю лишь сесть и пробежаться глазами по поверхности белого свитка; перо прилипает к гладкой оледеневшей поверхности письма, покрывшейся инеем за секунды.

«Я, Ийс-Тагоэль, король Северных Долин, властитель Вековых Ледяных Гор и Хозяин Северного Моря, призываю Вас, Бранд-Кьярваль, Его Величество Король Юга, Хозяин Пламени, Повелитель Подземных Теней, принять мое приглашение – я приглашаю Вас на встречу, я вызываю Вас на диалог о возможном перемирии. Во имя жизни подданных обоих наших Королевств. Я не хочу войны. И посему предлагаю вам встретиться на нейтральной территории и обсудить наши интересы и наше положение.

С нетерпением буду ждать вашего ответа.

С уважением, Ийс-Тагоэль,...»

Но в мыслях Тагоэля пробегает вдруг: «Ах, как нелепо! Право, это слишком глупо звучит... Лучше предыдущих моих попыток, но всё же... Но всё же нет. Я никогда не отошлю это письмо, никогда не закончу его. Спрячу подальше от любопытных глаз, и только».

...По ночам окна в спальне Тагоэля опутывает плотный слой морозных узоров, щеки короля покрываются инеем, а на ресницах его разрастаются острые снежинки. «Если задержаться в своих снах еще на какое-то время, то эти ветвистые узоры расползутся по коже, стянув веки...» – и Тагоэль, резко распахнув блестящие иссиня-черные глаза, подолгу смотрит перед собой в темный сводчатый потолок, совсем не чувствуя холода. Его черные брови усеяны осколками тех самых снежинок, что запутались в длинных шелковых ресницах.

А после юный правитель Северного Королевства поднимается с кровати, и, пытаясь успокоить свое сбивчивое дыхание, спускается в королевский сад, где под белым светом луны проводит весь остаток ночи, задумчиво вглядываясь в изморозь на поверхности застывшего фонтана.

По ночам Кьярваля часто мучали безумные сны, и в такие ночи луна над землями Южного Королевства приобретала блёклый красноватый оттенок. Дощатый пол королевской спальни потрескивал, словно в огне; кончики пальцев Кьярваля прожигали простыни, а с губ

короля то и дело срывались едва различимые слова, смысл которых терялся, рассыпаясь в тишине комнаты.

Кьярваль просыпался, тяжело дыша, и приподнимался на локтях, взволнованно вглядываясь в полумрак королевской спальни. Его широкая грудь оказывалась покрыта крупными каплями, словно следами поцелуев утренней росы, а на лбу проступала испарина. Вода в стакане на прикроватном столике каждый раз бурлила, закипая, а перстни на пальцах Кьярваля, что матово сияют в приглушенном свечном огне, отпотевали изнутри... Это всё его безумные сны – сны о невозможно-белых руках, которых король Юга никогда не видел прежде, полуночные видения о ледяном холоде, что заставляют покрываться горячую ото сна спину гусиной кожей. Кьярваль никогда не знал Тагоэля, выучен лишь ненавидеть его – его, и все, что принадлежит ему; но есть в мыслях Кьярваля потаённые уголки, где неизвестный образ далекого заклятого врага оживает каждую ночь во снах, превращаясь в навязчивые кошмары. Обычно после них заснуть уже не получается, и потому Кьярваль встает с кровати, и, накинув расшитый золотом пурпурный халат, отправляется в очередной раз бродить по бесконечным коридорам своего замка, освещая себе путь трепещущим пламенем факела.

И бродит по южному замку, по его бесконечным коридорам... И размышляет о Севере – и о его хозяине, о человеке, которого ненавидит с самого своего рождения, но которого никогда не видел прежде даже на портретах.

«Тагоэль – лишь заносчивый потомок аристократов, что правят Севером. Никто по сути своей. Лишь сын своих отцов?.. Трусливый потомок эльфов, что прячется за остекленевшей стеной холодных берегов Торджилса. Мой отец убил многих твоих подданных. А я... мне это еще предстоит, я думаю. И я сделаю все для того, чтобы стереть Северное Королевство с лица земли».

Однако это не единственные мысли, что занимают Кьярваля бессонными ночами. Он умен, хотя и проводил в библиотеках не так много времени, как следовало бы, – он размышляет о времени, и его удивительных чудесах.

«Мы знаем прошлое, и знаем настоящее; но каково наше будущее? Кто знает, какие миры зарождаются в этот самый момент, и ожидают рождения наших потомков?.. И кто знает, как бы переплелись наши жизни, если бы мы жили сотни, тысячи лет спустя? Быть может, мы никогда бы не встретились; но, быть может, мы совсем и не были бы врагами. А что, если бы мы стали друзьями?» Но Кьярваль тут же хмурит черные брови, прогоняя эти глупые мысли прочь: «И какой, однако же, бред в моей голове из-за этой проклятой бессонницы!..»

И, вернувшись к себе, усевшись за свой тяжелый стол из красного дерева, Кьярваль берет в руки пятнистое, длинное перо и быстро покрывает желтоватый свиток круглым, частым почерком, перебитым редкими каплями чернил:

«Я, Бранд-Кьярваль, сын ныне почившего короля Хорака и королевы Лагерты, муж ныне почившей королевы Марны, отец ныне почивших...»

Но рука сама будто останавливается вдруг на полуслове, а черные узоры на загорелой коже замирают в тусклом свете свечи: «Нет, не так. Как-то... Как-то мрачно».

«Я, Бранд-Кьярваль, сын короля Хорака и королевы Лагерты, обращаюсь к тебе, Ийс-Тагоэль, потомок Северных королев. Я прошу тебя о встрече...»

Но Кьярваль вновь собою недоволен: «Стоп. Слишком унижительно».

И, откинувшись на спинку высокого резного кресла, комкает в пальцах свое письмо – а когда разжимает кулак, то из него на пол сыпется лишь сухой черный пепел.

Огонь может растопить любой лед, каким бы прочным не был его слой. Кьярваль обречен гореть изнутри – хотя многие и называют это «даром» – он проклят нести само Пламя Адово в своем сердце, хочет он того или нет. Снится ли ему загадочный образ неизвестного принца Севера, что совсем недавно получил корону и трон, и власть над всеми землями, спрятанными

за Ледяными Вратами, или нет... Кьярваль никогда не унижится пред ним. Никогда. И не позволит себе протянуть руки навстречу.

О нет, это письмо никогда не будет отправлено. Кьярваль никогда не отошлет его, и даже никогда не закончит... Как и Тагоэль.

Спрячет подальше от любопытных глаз, и только.

Глава третья

Спуск в темноту на десятки, на сотни, на тысячи железных ступеней. Винтовая лестница вьётся, как виноградная лоза, и откуда произрастает она – неизвестно. Должно быть, из самой Адской Бездны? Нет ни капли света – только знающий каждый фрагмент лестницы человек сумеет спуститься, не сорвавшись вниз. Кьярваль знает, и смело шагает, спускаясь в подземелье своего замка всё ниже, и ниже, и ниже...

Мягкое сияние оранжевого пламени медленно начинает рассеивать тьму. Еще несколько головокружительных витков – и последняя ажурная ступенька упирается в черную землю, изрытую алыми прожилками.

Кьярваль останавливается на миг и делает глубокий вдох. Грудь наполняется ядовитым кислым воздухом, сырым и холодным, пропитанным испарениями серы, что поднимаются нитями дыма из трещин под ногами. Король Юга, поёжившись, быстро шагает вперед.

Перед глазами виднеется каменная арка, а под ней – тяжёлая кованая дверь. Она заперта, и замок на ней непросто – он с секретом, и пропустит вперед далеко не каждого.

Оказавшись за дверью, оставив её открытой, Кьярваль делает два небольших шага и поднимает лицо, устремив взгляд к вершине огромной клетки. Прутья её давно проржавели от сырости и ядовитого пара, но клетка достаточно прочна – древняя магия надёжно сдерживает узника внутри. В темноте вспыхивает огромный алый глаз, поблескивая в тусклом свете дрожащих факелов.

– Здравствуй, – ухмыляется Кьярваль, продолжая держаться на безопасном расстоянии.

– И ты будь здоров, – отвечает шипящий голос из темноты; не человеческий, но и не звериный.

– Я с радостной вестью к тебе – скоро ты сможешь взлететь к небу. Я выпущу тебя... Скоро.

– Не лги мне, потомок королей, – шипит что-то огромное из темноты. – Я не верю вам больше. Ваши слова – пыль, и не стоят ничего.

– Близится война, война с Севером. И проиграть её я не могу. Поэтому... – Кьярваль, сложив руки за спиной, медленно прохаживается вдоль клетки, не рискуя, однако, приближаться к её черным прутьям. – Я использую тебя как главного воина моей армии. Люди, сколько бы их ни было, не смогут все преодолеть холод Северных Лесов. До замка Тагоэля дойдут не все. Тогда-то мне и понадобится ты, Дьярви.

В подземной темнице воцарилась тишина, нарушаемая лишь падающими с потолка каплями, что тихо скатываются по квадратным глыбам каменных стен.

– А ты не боишься... – Зазвучал тихий шепот из-за кручёных прутьев клетки, – что я уничтожу не только твоего соперника, но и тебя? – Угрожающе прорычал голос из темноты.

– Нет, – улыбнулся король. – Ты связан договором, который не посмеешь нарушить. Мы оба это знаем.

Собеседник раздраженно выдохнул, и из клетки повалили клубы сизого пара. Кьярваль, охваченный облаком чьего-то гнилостного дыхания, закашлялся.

– Фу, ну и мерзость! Я отдам распоряжение, чтобы тебя кормили получше.

Послышался хриплый смех, разлетевшийся глухим эхом по темноте коридоров.

Кьярваль развернулся к арке, направляясь обратно к лестнице, продолжая говорить громко:

– Будь готов к битве. Жди, когда я позову тебя. А впрочем... Ты услышишь.

– Разумеется, хозяин, – промычал некто в ответ.

– Прощай, Дьярви. Увидимся снаружи, – закончил Кьярваль, скрываясь во мраке.

В ответ из темноты клетки послышалось лишь шипение – презрительный ответ того, кого называли «Дьярви». Тот, в чье существование не верили, тот, мысли о котором доводили жителей Южного Королевства до ночных кошмаров. Тот, чье упоминание заставляло замолчать даже самых непослушных детей.

Дьярви – вечный узник королевской семьи, обманом пойманный одним из предков нынешнего правителя. Древнее существо, чьей хитрости не было равных; но поддавшееся однажды на уловку человека, обречённое расплачиваться за свою ошибку на протяжении многих, многих лет.

Тем же днём был созван Совет – все министры и советники были собраны в Зале Заседаний. Этот Зал был самым большим и самым вместительным местом во всем Замке: все прочие коридоры были узкими и темными, комнаты – спальни, библиотеки, кабинеты, помещения для прислуги – практически не имели окон. Все залы были темны, имели низкие потолки и довольно высокие пороги; однако Зал Заседаний Совета был совсем иным. Этот был высок – узкие решетчатые окна тянулись вверх на несколько метров, а вдоль стен располагались длинные скамьи, ступенчато поднимающиеся на несколько ярусов; в центре стоял тяжелый королевский трон, сделанный из огромного куска чистого золота, украшенный алым бархатом и резными замысловатыми узорами. Пол этого зала был каменным, как и во всем замке; однако здесь же был выложен из крупных плиток светлого мрамора, а не из черного обсидиана или рыжего кирпича. От высоких дубовых дверей до самого трона был протянут темно-красный широкий ковер с золотистыми кистями и бахромой по краям. Именно здесь сегодня и собрались все те, кто имел право участвовать в делах государственных.

Седые приземистые старички, похожие скорее на древних мудрецов, облаченные в черные плащи, быстро заполнили ярусы своих мест. Разложив перед собой желтоватые пергаментные листы, пожилые министры оживленно переговаривались между собой в ожидании самого короля – строили догадки о причине сегодняшнего сбора, делились новостями, обсуждали свои дела... Но ждать главного участника заседания долго не пришлось: вскоре тяжелые створки дверей распахнулись с глухим скрипом, и в зал вошел Бранд-Кьярваль.

Министры тут же стихли. Как только король занял свое место, в Зале и вовсе воцарилась полнейшая тишина. Все присутствующие ожидали речи. Но король не спешил начинать. Он неспешно обвёл взглядом окружающие его заполненные людьми скамьи, и, помедлив, коротко произнес:

– Начнем слушать доклады. Я хочу узнать всё о ситуации в городе и во всем Королевстве сегодня. Честно и без приукрашиваний.

По Залу прокатился легкий ропот (всё же присутствующие хотели бы сперва узнать, что за срочная причина заставила их всех собраться здесь сегодня), но длилось это смятение всего пару мгновений; один из министров поднялся на ноги и, развернув свой свиток, начал читать.

А Нджалл все бредёт по лесным холмам, погружившись в свои мысли. Встреча с Морганой казалась далёкой, уже почти позабытой, но слова ведьмы все еще отдавались звонкими отголосками эха в памяти. «Она безумна... Но что заставило ее сказать все это?.. Какая власть, если у меня нет ничего? Какие жизни?» – думал Охотник. Он остановился, оперевшись о ствол дерева, прижавшись плечом к холодной резной коре, и поднял глаза – впереди была заледевшая водная гладь, покрытая словно синим мёрзлым мрамором; вдали чернели очертания

деревьев и виднелись скрытые в тумане вершины отвесных скал. *„Та власть, что дана тебе, спасет сотни, тысячи невинных жизней...“*

«Граница Северных Земель...» – Охотник, помедлив, спустился на лёд и зашагал вперед.

На другом конце озера начиналось Королевство Холода; по крайней мере, влияние Севера ощущалось здесь безошибочно. Это означало, что бояться провалиться здесь сквозь лёд явно не стоит: озеро наверняка скрыто под ледяным покрывалом толщиной в целый человеческий рост. Воздух здесь кажется колючим и мертвым. Ни одно живое существо, будь то дикое животное вроде оленя, волка или лисицы, привыкшее к суровым диким условиям, не смогло бы провести здесь и часа. Природа здесь как будто мертва, – она словно окаменела, иссушив воздух колким морозом, окутав деревья плотным покрывалом снегов, усыпив их вечным мертвым сном... Нджалл, ступив на лёд, быстро перешел на легкий бег, оставляя за собой темнеющие следы, которые с высоты птичьего полета походили бы на стежки торопливого шва. Случайный гость, посетивший эти места, явно не пожелал бы здесь задерживаться.

Внезапно Охотник заметил, что с каждым шагом он будто чувствует некую отдачу из-под льда, словно некие толчки из ледяной черноты под ногами. Нджалл немного замедлился и прислушался, стараясь уловить ритм: всё верно, удары снизу замедлились тоже. Охотник останавливается и растерянно опустил взгляд себе под ноги. Что, если это пошла трещина и лёд вот-вот расколется?..

Но как только остановился Нджалл – остановились и странные волны, бьющиеся изнутри озера.

Охотник медленно согнул колени и осторожно присел на лёд, протягивая руку вперед и поднося ладонь к замерзшей поверхности озера. Откуда-то снизу, издалека, будто раздаётся какой-то странный звук: послышался не хруст и не треск расплывающихся во льдах трещин – послышался гул. Это было похоже на приближающийся порыв сильного ветра, или на вой огромного дикого зверя; только вот исходил он из-под глубокой толщи воды. Но Охотник не чувствовал опасности, и не чувствовал страха. Ему отчего-то не хотелось бежать к спасительной линии берега, что чернела где-то вдалеке. Охотник почувствовал... странное ощущение, неведомое прежде: он почувствовал власть.

От того места, над которым зависла теплая человеческая ладонь, вдруг начали во все стороны расплываться полосы – широкие и выпуклые, синие, словно вены; казалось, что озеро дышит, что его поверхность раскачивается в такт вдохам и выдохам чьего-то бьющегося сердца. На какой-то миг Охотнику показалось, что он услышал чей-то спокойный, глубокий вздох, раздавшийся со дна ледяного озера, преодолевший морозную темноту, вырвавшийся на поверхность сквозь одну из этих темных прожилок...

Будто очнувшись ото сна, Нджалл отнял ладонь ото льда и резко выпрямился. Осмотрев горизонт, Охотник вновь опустил взгляд себе под ноги – лёд оставался по-прежнему гладким и прочным, а на сотни миль вокруг царил безжизненная тишина, скованная стальными цепями безжалостного мороза.

Не желая более поддаваться влиянию тех странных иллюзий, что происходят здесь, и всяким необъяснимым видениям, Нджалл решил поспешить к суше, почти бегом направившись к противоположному берегу.

В это же время в замке Кьярваля министры и советники как раз завершили свои речи, поведав своему правителю обо всех делах, что творятся в Королевстве Пламени.

Король молча смотрел на каменную мозаику мраморного пола, погружившись глубоко в свои мысли. Никто из присутствующих не смел нарушить его забытье. Быть может, Бранд-Кьярваль раздумывал обо всём, что услышал, и принимал некое важное для государства реше-

ние; быть может, он думал о своих погибших сыновьях – ведь близнецы Орм и Ормарр могли бы присутствовать на сегодняшнем Совете, будь они живы...

Помолчав с минуту, Кьярваль вышел из своего временного забвения и, вздрогнув, – словно приняв, наконец, какое-то трудное, но важное решение – заговорил, рассеивая звуком своего голоса повисшую в Зале благоговейную тишину:

– Уважаемый Совет, – обратился он к пожилым бородатым министрам, – мы должны объявить сбор войск, ибо грядет новый виток Великой Войны. Я намерен завоевать Север и уничтожить Тагоэля до окончания этого лета.

По залу прокатилась шелестящая волна десятков голосов – министры тихо начали переговариваться друг с другом.

Кьярваль сжал пальцами золотые подлокотники трона и порывисто поднялся на ноги.

– Я понимаю ваше недовольство и ваше смятение, – заговорил король Юга, окинув взором присутствующих, – но я в своем решении тверд и уверен. – Выдержав паузу, Бранд-Кьярваль уверенно продолжил: – У меня есть секретный козырь в рукаве; а именно – воин, что был выращен на самых низших этажах замка... – По залу прокатился встревоженный ропот. – Моя семья содержала его столетиями. И этот... Это создание... Будет воевать за наш род, жертвуя своей жизнью безоговорочно, подчиняясь лично мне.

Совет и правда пребывал в смящении. О чудовище, живущем в подземелье замка, ходило множество самых разнообразных слухов, и слухи эти были самыми что ни на есть жуткими и зловещими. Но король, казалось, был абсолютно уверен в своём решении, и преисполнен решимости:

– Мы соберем всех мужчин Королевства в этом городе, – продолжал он, – способных держать оружие. Абсолютно всех. – Подчеркнул король. – Мы пойдем к Ледяной Стене... – Он сделал несколько шагов вперед, перемещаясь по алому узорчатому ковру, – и возьмем северную заставу либо измором, либо... – Король резко развернулся на каблуках, – либо я расплавию Ледяную Стену пламенем, сожгу Северную Стену дотла, чего бы мне это не стоило, – закончил он почти шёпотом.

Насладившись произведенным на присутствующих эффектом, Кьярваль громко продолжал:

– Огонь всегда сильнее холода. Это известно всем. Каким бы ни был мороз, он не сможет погасить пламя. Но любой лёд плавится и тает под напором достаточно горячего огня. И поэтому, дабы растопить самый прочный слой остекленевшего льда... Я открою клетку и выпущу Дьярви! – Объявил правитель, и сердца его подданных разом сжались от ужаса.

– Ваше Величество! Это невообразимо! Нельзя отпускать Дьярви! Он своеволен, он хитер! Это же самоубийство! – Раздавались возгласы со всех сторон. Однако Кьярваль был слишком самоуверен, чтобы позволить себе услышать все эти сбивчивые предостережения.

– Дьярви обязан мне и моей семье. Он не посмеет предать королевский род. Он поможет нам победить... Раз и навсегда. В обмен на свою свободу.

В зале заседаний всё стихло.

Окинув взглядом ступенчатые ярусы, заполненные уважаемыми пожилыми министрами – несомненно, мудрыми и опытными, но слишком трусливыми, – Кьярваль воскликнул, вскинув руку вверх:

– Собирайте армию, объявляйте призыв! И подготовьте мои доспехи! Скоро мы выдвигаемся на Север! – Глухо простучав каблуками по алому ковру, король пронесся к резным створчатым дверям, и через несколько мгновений покинул Зал Заседаний, оставив встревоженных министров в полнейшем смящении.

Кьярваль, вернувшись в свои покои, велит захлопнуть за собою двери и отдает распоряжение «не смей беспокоить». Сложив руки за спиной, король несколько раз проходит по комнате взад-вперед и замирает, устремив сосредоточенный взгляд в окно.

«Я намерен объявить войну Тагоэлю... Я намерен... Я намерен увидеть тебя наконец-то», – думает король Южного Королевства. «Я соберу войска и поведу армию к границе. Я растоплю Ледяную Стену и пересеку оледеневшие леса. И перейду Торджилс. Я убью каждого, кто встанет на моем пути... Я рискну своими людьми, своими подданными, лишь бы увидеть тебя – и убить... Ведь война – единственное, что мне дорого, а Север – мой самый желанный, и самый долгожданный трофей... Который я обязательно заполучу».

Глава четвертая

Охотник уже слишком долго блуждал по крутым каменным спускам, все снега вокруг были измяты темнеющими следами его шагов. Но в какую бы сторону он не обращал свой взор, где бы ни искал спасительного просвета меж высоких темных стволов вековых деревьев, нигде он не видел ни тропы, ни дороги. Леса, что назывались «Мертвыми Лесами», поистине таковыми и были – дикий мороз царил здесь, убивая все живое на десятки, на сотни миль вокруг. Казалось, с каждым вдохом этого пронизывающего, этого ледяного воздуха Охотник терял свои силы... Наконец он прижался спиной к одному из деревьев, и, оперевшись ладонями на свои колени, постарался восстановить сбитое в отчаянных скитаниях дыхание.

За спиной послышался сухой треск, словно дерево трескалось под напором какой-то невиданной силы. Охотник осторожно обернулся – и увидел темную трещину в коре; подняв взгляд, он увидел и причину этого жуткого хруста. Она заставила Охотника отпрыгнуть, упав в снег, и отползти на пару саженей.

Лицо Морганы проступило прямо посреди ствола широкого дерева – казалось, что она сама была этим деревом; упавший в снег человек, беспомощно пытающийся ползти спиной вперед, вызвал на бледном лице ведьмы лишь легкую ухмылку.

– Ты слышал? Ты слышал озеро, верно? Да только кроме меня ведь никто не слышит его.

Нджалл не знал, что ответить; он был заморожен этим проявлением человеческого лица, несмотря на то, что в прошлый раз ведьма и сама обернулась деревом прямо перед его глазами. Слухи о чудесах, об удивительных превращениях, на которые способна Лесная Ведьма, были известны каждому; однако одно дело – слышать байки от торговцев или преступников, сидящих у костра в ночи, а совсем другое – увидеть собственными глазами...

– Что же ты молчишь? Ты ведь слышал, как дышит вода? Это одно из проявлений той силы, о которой ты предпочитаешь не думать.

Охотник не понимал, конечно же, как вода может дышать, но требовалось что-то ответить – хоть что-нибудь, – и он, поднявшись на ноги, сказал, стряхивая снег с одежды:

– Это обман. Я слышал от путешественников, что такое бывает... В опасных местах. Вроде пустынь, или...

– Обман? Ты хочешь сказать, что видел мираж?

– Да.

Моргана, казалось, о чем-то задумалась – прищурившись, она смотрела куда-то в сторону, поглаживая когтистой сухой веткой подбородок.

– Стало быть, тебе проще поверить в обман зрения, чем в собственные способности...

– У меня нет никаких способностей, – Охотник начинал злиться: этот разговор ему уже порядком надоел, как и преследование обезумевшей Лесной Ведьмы. – Оставь меня в покое, найди себе другой объект глупых шуток!

– А если я покажу тебе того, чье дыхание ты слышал? Если докажу, что этот... Что это создание действительно существует? Тогда ты поверишь мне?

Охотник, собравшийся уже было покинуть это место, замер. Медленно обернувшись, не веря словам Морганы, он растерянно спросил:

– Так значит, это дышал человек?..

– Ну... Не совсем. Когда-то он в самом деле был человеком... А впрочем, пойдем, я покажу тебе, и ты сам все поймешь. – Моргана со скрипом протянула руку, что сейчас больше походила на старую корягу – вместо кожи была истрескавшаяся кора, а вместо пальцев – длинные тонкие ветки.

Охотник уставился на эту «руку», борясь с желанием броситься бежать прочь. Но он подумал, что убежать от той, что умеет становиться чем угодно и возникать где угодно, будет

непросто. Практически невозможно. К тому же, ведьма вряд ли оставит его в покое... А торопиться Охотнику все равно было некуда – впереди у него была целая жизнь, чтобы скитаться по землям различных Королевств, добывая себе еду охотой и выполнением мелких поручений, вроде сопровождения торговых повозок... И Охотник неуверенно протянул свою ладонь, нехотя вложив ее в старую сухую ветку, и сжал пальцы.

Тут же он почувствовал сильный рывок вперед – ноги оторвались от земли, все вокруг закрутилось, смешавшись и потеряв свои очертания, и через секунду погрузилось во мрак.

Когда Нджалл открыл глаза – он увидел, что оказался в гостях у Морганы: поляна, окруженная вьющимися лозами острых сорняков, покосившийся маленький деревянный домик, изумрудная трава, что будто светится изнутри... А вдалеке – холмы, и навечно замеревший за ними золотой закат. Об этом месте ходили легенды, одна другой краше, но никто никогда не мог доказать правдивость своих слов; теперь Охотнику сама судьба позволила увидеть все это воочию.

На одном из холмов сидел человек. Его темная фигура загораживала собою солнце, казалась лишь черным недвижимым камнем на фоне огромного желтого солнечного диска, окруженного персиковыми облаками. Моргана направилась именно туда. Кажется, странное путешествие сквозь время и пространство, что она только что совершила вместе с Охотником, ничуть ее не интересовало, будто подобное было для нее обычным делом. Нджалл пошел следом – ему было не по себе оставаться здесь одному, среди тихого шипения колючей изгороди, обнимавшей лесную поляну со всех сторон.

– Вот, – Моргана вытянула руку, по-детски указав на сидящего в траве человека. – Тот, кого ты слышал. Через сотни миль, через сотни веков, – ведьма многозначительно изогнула бровь и перевела взгляд на лицо Охотника.

Тот смотрел перед собой, непонимающе скользя взглядом по спине и плечам этого загадочного человека. Его лицо не было знакомым; его глаза были закрыты, словно сам человек прибывал в каком-то трансе или сне.

– Я не... Кто это? О чем ты говоришь?

Моргана вздохнула. Поняв, что без объяснений обойтись не выйдет, она заговорила:

– Леса полны странными созданиями. Полны магией разной силы и разного толка – есть и благословения, есть и проклятья. Ты наверняка знаешь это – ты исследовал каждый уголок как Северных Лесов, так и Южных Пустынь. Я слышала твои крадущиеся шаги по обе стороны Торджилса...

Нджалл слушал ее слова молча, словно замороженный разглядывая безмолвного человека на траве. Это был юноша, почти ровесник самого Нджалла, не ребенок, но и не совсем взрослый мужчина. Его кожа мягко сияла, а веки были плотно закрыты. Парень, скрестив ноги, сидел прямо напротив закатного солнца, словно превратившись в статую – не было заметно ни его дыхания, ни малейшего движения; присмотревшись, Нджалл заметил тонкую паутину на его ресницах, подрагивающую на ветру.

– Это – Спящий, – продолжала тем временем ведьма. – И он... спит. Уже очень давно.

– Что с ним... не так? Он проклят?

– Верно. Это – Проклятие Вечного Сна. Проклятие другой ведьмы. Еще моя бабушка рассказывала мне эту историю: когда-то одна ведьма влюбилась в этого человека, в парня, которого звали Вранак, чье сердце уже принадлежало другой. Он был помолвлен, и очень любил свою невесту. Ее звали, кажется, Дайна. Тогда ведьма разозлилась и сказала: «Ах вот как? Ты любишь ее, а не меня? Ну хорошо... Хочешь видеть только ее? Так смотри только на нее!» – и прокляла его. С тех пор он не видит ничего, кроме Дайны – той, которую так

любил при жизни; прошли дни, месяцы и годы, а он видит свой прекрасный сон до сих пор. Не может ничего видеть, кроме своего любимого сна. Той девушки, которую он любил, давно уж не на свете, а ведьма давно рассыпалась в прах, смешавшись с пылью Восточных Степей. Но этот несчастный все еще живет лишь благодаря своим грёзам. Образ его возлюбленной навсегда застыл пред ним. Поэтому он и спит – и вряд ли хочет просыпаться.

– Но это... Это неправильно.

– Почему же? У него не осталось ничего. Его семья давно умерла, его город давно стёрт с лица земли, а его собственное тело истлело изнутри: в груди поселились мотыльки, а из кончиков пальцев прорастают травинки. Стоит ему проснуться – и он развеется по ветру пеплом. А сейчас... Ему хорошо, и он счастлив. Ему снится та, которая всегда рядом с ним, его жизнь превратилась в самую настоящую мечту, и нет в ней ни темноты, ни кошмаров. Наверное, он знает, что все это – сон. Но он по-прежнему хранит воспоминания... Которые любит больше собственной жизни. Поэтому предпочитает смотреть...

– Я разбужу его!

– Как бы не так, – хмыкнула Моргана. – Он не хочет просыпаться. Говорю же – он хочет смотреть только на нее.

Оба замолчали. Человек, что сидел на траве, ничуть не переменялся – он видел сон, навеянный проклятием, сон, который любил больше всего на свете... И человек этот действительно предпочел бы не просыпаться никогда, чтобы не отпускать из объятий памяти любимый образ, давно покинувший этот свет.

– Ну что? Теперь ты веришь? Это его дыхание слышится иногда из глубин замерзшего озера – так же, как и в ивовых ветвях над болотами, как и в подземельях, где спрятан Дьярви... Он живет, и жизнь еще теплится в его сердце, но только лишь благодаря проклятию...

– Погоди... Что ты сказала? Дьярви?

– Ну да. Дьярви.

– Ты опять бредишь? Дьярви не существует, это миф.

– Стало быть, скоро все мы погибнем от ночного кошмара? – Усмехнулась ведьма. – Война между Севером и Югом – тоже, по-твоему, миф?

– Нет. – Нджалл заговорил серьезно, в его голосе послышались строгие нотки застаревшей боли. – Война – это не миф. Война всегда ужасна и чудовищна, она несет только смерть. А если речь идет о потомках Севера и Юга, которые ненавидят друг друга с самого рождения – то тут и вовсе...

Ведьма заинтересованно склонила голову набок – она почуяла горечь чужой боли, давней, как старая рана, но все еще болезненно напоминающей о себе.

– В одном из таких сражений погиб мой отец, – продолжал тем временем Охотник, – в одном из сражений он участвовал, и не вернулся домой. Мы тогда проиграли битву... Солдаты противника проникли в мой город, и... уничтожили его. Но я слышал об этом только из рассказов, я был тогда еще совсем ребенком. А что стало с матерью – я не знаю до сих пор. Но больше никогда не видел свою семью, и не слышал о них; так что не надо оправдывать жестокость и кровожадность королей выдуманнными чудовищами.

– Дьярви существует. Про него рассказывают многое: и светящиеся в темноте глаза, и длинная морда, и чешуя... Чего только не напридумывают. Одни считают, что Дьярви – это змея, вроде василиска, другие – что он, скорее, просто некое дикое животное, кровожадный хищник; третьи и вовсе полагают, что он похож на огромного крокодила, и живет в Западных Болотах. Но никто из них не прав. Дьярви – это...

– Это выдумка, – нахмурился Охотник.

– Ты ошибаешься. Дьярви – мудрое и древнее создание; таких, как он, больше уже не осталось. Все его сородичи оказались либо повержены, либо обманом заперты в клетках. Но Бранд-Кьярваль... Этот король взял все лучшее от своих предков, посемя он – сильней-

ший из всех южных королей, когда-либо существовавших. Предок Кьярваля, король Рагнар, – тысячи лет назад именно он обманом заставил древнего Дьярви влезть в клетку, а затем наложил заклятье на железные прутья. Дьярви оказался в ловушке, и был вынужден согласиться на предложенные условия: только сослужив достойную службу потомку королевского рода, в чьих жилах будет течь кровь самого Рагнара, Дьярви обретет свободу. Только вот ирония этого договора в том, – продолжала ведьма, – что ни один из приказов никогда не оказывается достаточным. Дьярви просто не дают стоящих поручений, чтобы не выпускать его на волю раньше времени. А Кьярваль уже готов выпустить Дьярви, и уже принял это решение – король Юга прикажет уничтожить и Ледяную Стену, и Тагоэля, и всех северян – всех, до одного, – и тогда Дьярви обретет свободу. Тысячи лет в сыром подземелье прошли не зря – гнев и ненависть, накопленные за столь долгий срок, вырвутся наружу, и никто не сможет спастись.

– Откуда ты все это знаешь? – Недоверчиво покосился на жутко бледное лицо девушки Охотник. – О том, что между Севером и Югом грядет новая битва?

– Я слышу то, что другие не слышат.

– Почему же тогда ты говоришь, что я могу что-то сделать?..

– Видишь ли...

Ведьма, словно смутившись на секунду, кладет ладонь на плечо Нджалла, и увлекает его за собой:

– Давай пройдемся, Охотник.

Кажется, прошло несколько минут, пока Моргана и Нджалл прогуливались по покатым травянистым склонам; однако, когда Охотник заметил перемену в окружавшем их пейзаже – оба вновь оказались посреди густого темного леса, вдалеке от позолоченных закатом холмов, где спит Вранак, – то подумал, что прошло несколько часов.

– Ты сильнее обоих королей – сильнее потому, что ты видишь больше, чем они. Каждый из них – и Тагоэль, и Кьярваль, – ослеплены жаждой власти, желанием уничтожить соперника; а ты – нет: у тебя никогда не было ни власти, ни соперников. Ты можешь куда больше – потому, что можешь выбирать. Оба короля обречены следовать чему-то одному: либо окружающему с рождения ледяному холоду, либо пылающему огню в сердце. Но именно твоя свобода выбирать сослужит тебе службу, поможет остановить Дьярви, и тысячи жизней, обреченных на гибель, будут спасены, а война прекратится, не начавшись. Ты сможешь тягаться с ним, бросить вызов; он увидит достойного соперника в тебе... И он проиграет битву, – только если ты научишься использовать свои возможности, управлять ими...

– Нет, нет, ты точно сошла с ума! Я не имею ничего своего, совсем ничего, и тягаться с этим Дьярви не сумею. Тем более, никто не знает, насколько он огромен и насколько силен... Но все представляют, насколько страшен! Я слышал, что говорят люди. Одни говорят, что Дьярви – потомок демонов, либо сам демон; другие считают, что он – чудовище, что путешествует под водами рек...

– Но все они ошибаются. Дьярви гораздо старше всех демонов и всех рек. И гораздо сильнее всех монстров и чудовищ, что обитают на наших землях. Он хитер и мудр. И только ты – тот, кто называет себя лишь «Охотник», тот, кто смутно помнит имя «Нджалл», – только ты сможешь остановить его.

– Что ты несешь? Я не собираюсь сражаться с ним! Я не собираюсь вмешиваться в королевскую войну! Я не служу ни Югу, ни Северу, и не намерен занимать ничью сторону.

– Я научу тебя слушать природу, и научу тебя слышать ее речи. Твоя сила сможет преодолеть и Огонь, и Холод; если у Тагоэля – ледяной ветер, а у Кьярваля – кипящее пламя, то у тебя – сама земля...

– Оставь меня в покое! Убирайся, ведьма! – Нджалл подался назад всем телом, хмуро взглянув в лицо Морганы. Развернувшись, он бросился прочь, скрывшись в темной чаще леса.

– Ты сам позовешь меня, – выкрикнула ведьма вслед, оседая на мерзлую траву, покрытую скользким слоем инея. – Но только тебе придется постараться... Я могу и не прийти на твой зов!

Моргана запрокинула голову назад и легла на покрытые инеем темно-зеленые мхи. Ведьма закрыла глаза, и тут же провалилась назад в черное кружево собственных волос, исчезнув в бархатном ковре зелени, оставив после себя лишь очертание человеческой фигуры на земле.

Глава пятая

Ледяные Леса остались далеко позади. Охотник перешел горные хребты, укутанные в вековые снега, и теперь достиг зеленых лугов, простирающихся до самого горизонта. Равнины и покатые склоны холмов, покрытые ковром мягкой свежей зелени, травой, пушистой и мягкой, и россыпью ярких луговых цветов... Долина, залитая солнцем, была согрета самой природой, самым золотым теплом вечного лета. Это казалось таким странным: всего в десятке миль к северу земля была окоченелой и мертвой, а здесь – цвела и благоухала, источая сладкий пьянящий запах. Нджалл прикрыл глаза, подставив лицо теплему мягкому ветерку. «Вечное лето... Тепло и спокойно, и никаких крайностей и никакого безумия... Никаких проклятий... Таковую природу я и люблю», – думал Охотник.

Он почувствовал свою усталость – долгие тяжелые переходы, путешествие сквозь воздух и темноту к дому Морганы и долгий пеший путь обратно, – невероятные события, заставившие усомниться в реальности происходящего, дали о себе знать все разом, навалившись на уставшего путника. Охотник, расположившись в тени, прилег на траву... И в тот же миг уснул.

– Кто ты такой?

Мужской голос, звучавший откуда-то сверху, не был угрожающим или настороженным – он был вполне приветливым, лишь немного удивленным, и только, – но Нджалл все равно вздрогнул, резко раскрыв глаза, и по привычке выхватил охотничий нож.

– Что это?

Когда глаза Охотника не сразу привыкли к яркому золотому свету, и только через некоторое короткое время он сумел рассмотреть стоявшего поодаль человека, опасливо шагнувшего назад при виде оружия.

– Что тебе нужно? – Настороженно спросил Охотник.

– Ничего, – ответил незнакомец, примирительно подняв ладони. – Опустить свое оружие, я не причиню тебе вреда.

– Отвечай, кто ты такой? – Нджалл и не думал выпускать нож из рук.

– Я – Вранак, и ты – в моем сне. Как ты вообще оказался здесь? – Спросил озадаченно парень.

Нджалл пригляделся – и действительно узнал в незнакомце того самого «Спящего», которого совсем недавно видел в десятке миль отсюда.

– Ага! Я так и знал! Всё это чушь – и Проклятие Вечного Сна, и Дьярви, и весь тот бред... Это проделки ведьмы!

– Нет-нет, – испуганно замотал головой Вранак, – не чушь. Посмотри сам, – и повёл рукой, указывая вокруг себя.

Нахмурившись, Охотник быстро переводил взгляд с незнакомца на местность вокруг – она и впрямь казалась необычной, даже ненастоящей. Это была та же самая летняя поляна с покатыми низкими холмами, уходящими в бескрайние дали, но воздух был будто неровным; если бы ветер можно было рассмотреть, он выглядел бы именно так. Эти удивительные места казались словно нарисованы мелкими штрихами, все вокруг – и облака в ярко-голубом небе, и яркие цветы в ярко-зеленой траве, и даже ярко сияющий сталью нож, все еще направленный на Вранака, – все казалось ненастоящим, слишком, слишком ярким и неправдоподобным... И впрямь как сон.

– Видишь? Ты у меня в гостях, – улыбнулся парень в белой льняной рубашке, – однако назови свое имя, кто бы ты ни был.

- Я – Охотник.
- Охотник? Но это не имя...
- Для меня – имя.
- Это странно.

– Послушай, как ты оказался здесь? Ты ведь недавно сидел перед закатом, а теперь вдруг стоишь здесь, где летний полдень... – Нджалл был сбит с толку. – Как такое возможно? Что это за магия?

– Все гораздо проще, – ответил хозяин этого сна, осторожно приближаясь и опускаясь на траву рядом со своим неожиданным гостем. – Я и в самом деле сижу сейчас где-то далеко отсюда... А это место – это мой сон. Мой мир, который я не собираюсь покидать, – он продолжал беспечно улыбаться, жмурясь от солнца.

– Почему? – Повернулся Нджалл, пряча охотничий нож обратно в свои вещи: очевидно, человек рядом был совершенно спокоен и безобиден. – Разве ты не хочешь вернуться к нормальной, обычной жизни? В настоящем мире?

– Нет, – пожал плечами парень, – та злая ведьма, что прокляла меня когда-то... Думала, что наказывает меня. А на самом деле она подарила мне самый настоящий рай. Вечное лето и вечный полдень, беспечность и свободу... У меня здесь есть все, что мне нужно. У меня здесь есть Навсегда. Я не хочу возвращаться в мир, где ее не будет. *она*.

Вранак указал пальцем куда-то вдаль, и Нджалл рассмотрел вдалеке, на одном из бескрайних холмов, женскую фигуру в белой одежде. Девушка сидела в траве, опустившись на колени, и собирала луговые цветы. Ветер играл с ее темными кудрявыми волосами, развевал подол ее пышного легкого платья... Она была счастлива, и она была вечна. Вранак улыбался, смотря на нее.

Охотник оглядывал беспечно счастливого парня, что сидел рядом на траве – и все никак не мог понять, как можно добровольно отказаться от собственной жизни ради вечности во сне.

– Но как же ты оказался здесь, Охотник? – Вернулся к разговору Вранак.

– Я? Я... – Нджалл вдруг понял, что ему отчего-то трудно припомнить события, произошедшие совсем недавно, словно они происходили несколько лет назад. – Я пересек Северные Горы... Потом... Потом спустился в зеленую долину... Ах да, еще встречал Моргану, и видел тебя, – видел, как ты спишь.

– Ты виделся с Морганой? – Вранак казался искренне удивленным. – Как это она захотела показаться тебе? И даже говорила?.. Стало быть, ты не обычный человек. Она не очень-то любит людей.

– Она бредила. Рассказывала, что скоро снова будет война, между Югом и Севером, и что это будет самая страшная битва... И что я должен повлиять на ее исход...

– Как повлиять? – Парень заинтересовано повернулся к Охотнику.

– Она говорила, что я могу бросить вызов Дьярви, и даже победить его. Что я должен научиться использовать какие-то силы... А, неважно.

– Знаешь, – серьезно проговорил собеседник, – раз тебе сказала это сама Моргана, значит, так и есть.

– Почему же? – Хмыкнул Охотник.

– Потому что Моргана никогда не врет.

– Ну да, она не врет – она бредит. Она не в себе, это каждому известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.